

Тогда

Ты этого не знаешь, но я слезу за тобой. Слежу постоянно.

А когда наблюдаешь за кем-то долгое время, всегда хочется дать этому человеку совет, подсказать, что он делает не так.

Но ты все равно не слушаешь — ведь ты из тех, кто всё знает лучше всех.

Из тех, кто идет по жизни, смеясь и не замечая опасности, даже если та маячит прямо перед носом.

И все же мне хочется поделиться кое-чем, как если бы ты была моей подругой. Ты ведь даже не представляешь, что бывает столько боли сразу... пока не представляешь.

Потому что об этом я и хочу рассказать.

Ведь это так просто...

Сначала, когда приходит понимание, что твоего ребенка больше нет, то кажется, что это — самое ужасное, что только может случиться.

Но скоро настает момент, когда кровь словно начинает уходить из тебя по капле, а ты ничего, совсем ничего не можешь сделать, чтобы это остановить, но будешь чувствовать, как она течет не переставая. И тебе будет наплевать, потому что все мысли — только о ней, о твоей девочке.

Сорок восемь часов.

Ровно столько ты будешь балансировать на грани безумия, веря, надеясь, что все еще можно отыграть назад. Потом перестанешь спать, тебе начнут колоть седативные препараты, и каждый раз, выплывая из наркотического сна, ты целую секунду будешь думать, что всё в порядке. Что всё случившееся — лишь плод твоего воображения.

И когда ты решишь, что *вот это* и есть самое худшее...

Именно тогда начнет уходить надежда, совсем как снег, съезжающий с крыши во время оттепели: потихоньку, потихоньку катиться к краю и всей своей массой обрушиваться вниз.

Но если надежду можно сравнить со снегом, то отчаяние, которое занимает ее место, похоже скорее на лед: твердый и острый, он в клочья кромсает душу.

А окружающие, все до единого, твердят бесполезную мантру: «Что бы ни случилось, не теряй надежды».

Но они опоздали. Надежда уже потеряна.

И тебе опять покажется, что *это* и есть самое худшее. И снова ты ошибешься.

Потому что скоро поймешь: настоящий кошмар впереди.

ЧАСТЬ I

Глава 1

*Наши дни
Королевский медицинский центр,
Ноттингем*

Тик-так, тик-так — тикают часы.

Они на стене, я вижу их краем глаза.

С другой стороны — лужица света. Окно. За ним — мягкая, приглушенная масса. Я думаю, что это может быть зелень. Она мягко касается стекла, шепчет, когда все остальное в этой маленькой белой комнате молчит.

Но вот раздаются голоса, шаги. Я слышу их через дверь.

В комнату входят врачи, и я напрягаюсь, стараясь уловить их движение в этой размытой белизне. Их двое. Каждый день они приходят в одно и то же время, когда свет за окном становится мягче. Так я узнаю, что наступил полдень.

Сердце начинает биться быстрее. Может, сегодня они поймут, что я еще здесь, за этой невидимой, непроницаемой перегородкой, отделяющей меня от мира?

Для них я нахожусь в *вегетативном состоянии* — лежу на узкой кровати подобно труп, разве что глаза все время открыты. Но мысленно я уже вскочила и колочу раскрытыми ладонями по несуществующему стеклу. Кричу, чтобы меня выпустили.

«Посмотрите на меня! Посмотрите, я здесь!»

Они не смотрят. Точнее, смотрят куда угодно, но не на меня. Они говорят обо мне, наблюдают за мной издали, но не дотрагиваются. Не смотрят в глаза.

Если б они только посмотрели внимательно, то увидели бы, как еле заметно трепещет веко, как почти неувидимо дрожит палец. Господи боже, уборщица и та распознала бы искру жизни, если б только смотрела на меня хоть изредка.

— Как это жестоко, — тихо говорит женщина-доктор, делая шаг к кровати. — На вид она как живая...

«Я живая, — кричу я внутри себя. — Я ЖИВАЯ».

Собрав все силы и всю решимость, усилием воли направляю их в руку, которая недвижно лежит на бледно-голубом одеяле. Левую руку. Она ближе к ним, к их невидящим глазам.

Все, что мне нужно сделать, это шевельнуть пальцем. Чуть-чуть подвинуть ладонь. Хоть на миллиметр, хоть на волос. Может быть, тогда они заметят?

Все что угодно, лишь бы они поняли, что я еще здесь.

Неподвижная, глухонемая, но живая.

Запертая в себе, как в тюрьме.

— Ничего от нее не осталось, только оболочка, — также негромко отвечает доктор-мужчина. — С самого первого дня после инсульта.

— Не завидую я тебе... — Женщина вздохнула. — Скоро придется поговорить с родственниками.

— У нее нет родственников. Мы так и не выяснили, кто она.

Дверь открывается и снова закрывается.

Шаги в коридоре стихают, в палате наступает безмолвие, нарушаемое только сиплыми вздохами аппарата для искусственной вентиляции легких, который поддерживает во мне жизнь. Я окружена аппаратами, трубками, капельницами.

«Дыши. Это все понарошку. Это не может быть правдой».

Но это происходит. Происходит со мной.

На самом деле.

* * *

Единственное, что я могу делать сама, — думать. И вспоминать. Прошлое встает перед внутренним взором с небывалой прежде ясностью, но я инстинктивно понимаю, что, если вспомню все и сразу, боль будет так сильна, что сломает меня мгновенно. И что тогда будет с ней, с моей красавицей?

Все давно забыли про Эви. Официально дело не закрыто, а полиция заявляет, что они готовы расследовать любую новую информацию, но ничего не делают, потому что никакой новой информации нет.

Ни улики, ни показаний свидетелей. Ничего.

Первые месяцы после произошедшего я, как одержимая, отслеживала каждое сообщение о ней в онлайн-новостях и каждый комментарий к ним.

Судя по комментариям, можно было подумать, что все эти люди лично знакомы с «непутевой, безответственной мамашей» и не раз бывали в их «неуютном доме».

Почти все строили свои версии того, как девочка могла исчезнуть среди бела дня и не оставить следов. Диванные эксперты.

Всё вспомнили — и европейский заговор педофилов, и маньяка-детоубийцу, и неизбежных цыган, —

чем только не объясняли пропажу, чего только не наплели...

Но постепенно, один за другим, они отступились, решили, что ее больше нет.

Все, кроме меня. Я уверена — Эви жива, она где-то ходит, где-то дышит. Я должна держаться за это. В этом моя последняя надежда.

Поэтому ни в коем случае нельзя впадать в панику.

Да, я не могу шевельнуть пальцем, не могу издать ни звука, но верю, что в моих силах помочь отыскать и спасти ее, ведь память пока не изменила мне. Я помню всё.

А это значит, что остается только одно: вспоминать, как всё началось.

И даже раньше.

Глава 2

Три года назад

Тони

Голые стены нового жилья были гладкими и холодными, словно обнаженная кость.

И не было ничего, что могло бы их оживить.

Все это место — пустая упаковка, лишенная какого-либо содержания или характера, не более. Одно большое пятно яичной скорлупы или растоптанного цветка магнолии. Не самая вдохновляющая атмосфера — если не считать страданий и страха.

Да, дом был чистым и функциональным, но я всегда любила *цвет*.

Помню, как наслаждалась простором нашей прежней гостиной. Огромным окном-эркером и бирюзо-

во-черной акцентной стеной с обоями пейсли¹, на выбор которых ушла неделя: целых семь дней мы жили с образцами разных обоев, припиленными к каминной полке, присматривались, привыкали, а потом каждый высказал свое мнение, и мы сделали выбор — все втроем.

Я в очередной раз обежала взглядом голые стены, неприкрытые плинтусы, крошечную прихожую и жмущиеся друг к другу комнатухи, как будто надеялась обнаружить некий шарм, скрытый от меня прежде.

Ощущение было такое, словно жизнь навсегда лишилась цвета и текстуры. Словно мою душу вымазали безвкусным оттенком магнолии, внутри и снаружи.

Повернувшись спиной к блеклой белизне, я подошла к окошку и бросила взгляд на плешивый замусоренный газон. Агент по недвижимости претенциозно окрестил его палисадником. Издевался, наверное. Сорняки заслоняли тонкие бордюры, а одуванчики прорастали между плитами тротуара в неудобных, непрактичных местах, колеблемые прохладным бризом и раскачиваясь, как пьяные солдаты на увольнительной.

Я отвернулась от окна и снова оказалась лицом к лицу с комнатой.

В углу громоздились друг на друге картонные коробки, их шаткую пирамиду подпирали туго набитые черные мусорные мешки. Итог восьми лет семейной жизни.

Все хорошее и все плохое, что случилось с нами за эти восемь лет, лежало в этих мешках: сувениры, сен-

¹ Пейсли — каплеобразный орнамент с восточным колоритом, названный в честь одноименного шотландского городка, текстильщики которого активно продвигали на рынок ткани с ориентальным рисунком.

тиментальные мелочи, плотно упакованные, обжатые полиэтиленовыми стенками, надежно завязанные сверху, чтобы ничего не выскользнуло по дороге.

Смех, счастливые лица, дни и ночи, проведенные с мужем и дочерью, проносились перед внутренним взором, словно последние кадры старой семейной хроники, когда хвост целлулоидной ленты, шурша, скользит перед окошком кинопроектора.

Может, когда-нибудь я найду силы пересмотреть их от начала до конца и, бережно расправив ленту, наконец понять, почему кошмар случился именно с нами.

Может быть, тогда наконец-то получится снова спать по ночам...

Я вздрогнула и обернулась, услышав шаги у двери, и сразу же успокоилась — в комнату зашла мама, постаревшая, осунувшаяся, но такая же энергичная и напористая, как и прежде.

Это было очень кстати при переезде, но после того, как все закончилось, ее присутствие начало тяготить, так как выставляло напоказ мое собственное несовершенство. Это было похоже на неотвязную тупую боль в боку.

Она смотрела своим особым, «рентгеновским» взглядом, словно пытаясь прочесть мои мысли.

— Не оставляй себе времени на размышления, разве мы не так договаривались?

Мама всплеснула руками, и я точно вернулась в детство: от меня требуют, чтобы я не копалась, а одевалась скорее, иначе опоздаю на школьный автобус.

Ах, если б вернуться в то благословенное время... Но в жизни нет черновиков, и нельзя еще раз пройти тем же путем, сделав иной выбор.

— Чаю хочешь?

Я кивнула, глядя, как мама подходит к коробкам и читает подписанные от руки ярлыки. Подумала немного и нагнулась за лежащей на полу сумкой. Почувствовала на себе пронзительный взгляд родительницы и соврала, что хочу проверить телефон.

А сама даже не заглянула внутрь; просто стояла, прижав сумку к груди, точно трофей.

Мама продолжала смотреть.

— Что?

Видимо, в моем голосе прозвучал вызов, потому что она отвернулась, вздохнула, открыла коробку и точными уверенными движениями извлекла наружу чайник и две кружки, завернутые в пузырчатую пленку.

— Чай, — повторила мама, исчезая в дверях кухни.

Мне никогда не нравилось ее обманывать. Хотя обман — это не мой случай. Я ничего не скрывала. Просто не отчитывалась за каждый шаг.

В конце концов, в тридцать пять лет у меня было право принимать некоторые решения самой, ни у кого не спрашивая совета.

Хотя, по правде сказать, мне было за что благодарить маму.

Если бы не она, я, наверное, еще не один месяц решала бы, стоит ли переезжать из Хемел-Хемпстеда в Ноттингем. Именно мама убедила нас перебраться к ней поближе, чтобы было проще начать жить заново.

Эта фраза — «начать жить заново» — всегда звучала невероятно избито.

Но выяснилось, что легче сказать, чем сделать, — на то, чтобы спланировать и организовать переезд, ушло несколько месяцев. И вот теперь, когда этот

ужас кончился, выяснилось, что самое трудное еще впереди.

Но, по крайней мере, получилось записать Эви в Сент-Сейвиорз — местную «хорошую» школу из списка Офстед¹ — до начала учебного года. Жизненные передраги должны были как можно меньше сказаться на образовании моей дочери.

В общем, мне предстояло как-то справиться с этим кошмаром и научиться держать хвост пистолетом. Ради Эви и благополучия нашей семьи, внезапно перешедшей в разряд неполных.

— Эви ждет не дождется, когда пойдет в новую школу, — крикнула мама с кухни. — Все уши мне этим сегодня утром прожужжала, пока я вела ее в группу.

Меня аж замутило — так резко подняло голову чувство вины. Мы с дочкой так и не поговорили как следует о переменах, которые произошли в нашей жизни — сначала надо было продавать один дом, потом арендовать другой, собирать вещи, переезжать, а параллельно еще и улаживать проблемы со страховой компанией моего мужа и счетами за его лечение. В общем, сплошной кошмар.

Но, по словам мамы, Эви рада, что скоро пойдет в школу, а это главное.

— Я записалась на экскурсию по школе завтра, на два часа. Хочешь с нами?

¹ Офстед — бюро стандартизации образования, работы с детьми и навыков, вневедомственный департамент правительства Великобритании, в обязанности которого входит регулярная инспекция образовательных организаций в Англии. По результатам проверок учебные заведения получают оценки по 4-балльной шкале («отлично», «хорошо», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».)

Она даже застонала от разочарования.

— Завтра у меня остеопат. Я уже отменяла его на той неделе, когда надо было забрать твои ключи, помнишь? — Только глухой не распознал бы почти не скрывае­мый упрек. — Не думаю, что врач обрадуется, если я повторю тот же финт завтра. Но про школу хочу знать все, так что расскажете, когда вернетесь.

Маме, конечно, нравилось время от времени напо­минать о собственной значимости, но, по правде гово­ря, она действительно выручала. Даже не представляю, как бы мы жили без нее после смерти Эндрю.

Два года назад его снова отправили в Афганистан в составе военной миссии.

Особое задание.

Так выразился пришедший за ним сержант и доба­вил еще несколько слов, смысл которых сводился к тому, что Эндрю должен считать за честь, что выбор пал на него.

Так оно и было. Мой муж был благодарен коман­дованию.

Как я тогда мечтала, чтобы случилось чудо и он от­казался покидать нас!

Но стоило только намекнуть на это, как он ответил: «Это мой долг», и я поняла — тема закрыта.

Знал бы он тогда, что подписывает приговор...

Не только себе — всем нам.

Я знала — Эндрю любит меня и дочку, но нам было не по силам соперничать с его любовью к родине и ра­боте, и я просто смирилась с тем, что после того визи­та мы сразу отошли на второй план.

Когда мы познакомились, он уже давно не общал­ся с родителями, но после катастрофы я пыталась на­ладить с ними контакт: написала об Эви, предложила